

## Максим УМБРА

---

### ЦВЕТ РОДИНЫ

Пейзажисты – счастливое племя: образ родины у них впечатан в сетчатку. Русский пейзажист – патриот автоматически. Ведь чтобы посвятить жизнь отображению нашей скромной, неприметной, как простая холстина, природы, надо её очень любить.

Так и Николай Харитонович Долгов без остатка отдал своё сердце художника «среднесибирской полосе» России. Родился он в 1930 году в деревне Михайловке Омской области в крестьянской семье. 19 января, на Крещение, отец собрался ехать за святой водой в соседнее село, где была церковь. Но жена его удержала: «Распрягай, Харитон, я рожать буду». Появившийся на свет мальчик был пятым ребёнком.

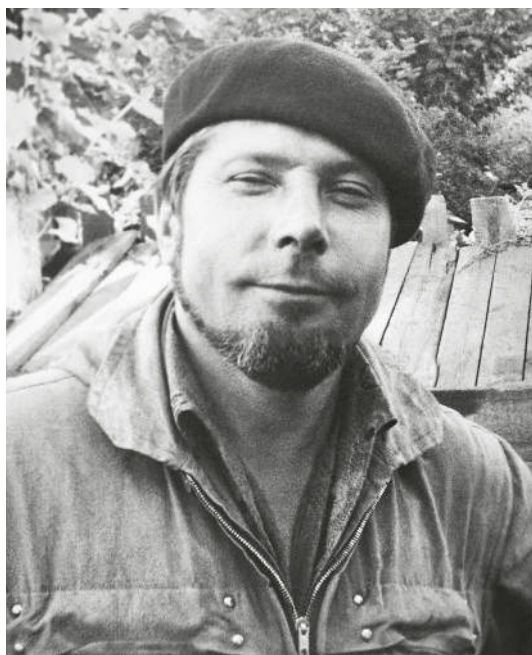
В декабре неурожайного 1936 года большое семейство Долговых отправилось в далёкое путешествие из прииртышской деревни в Кемерово – молодой индустриальный город на Томи. Маленький Коля впервые увидел железную дорогу. «Своим детским умом я раньше представлял её как широкое полотно из листов кровельного железа, прибитых гвоздями к земле», – вспоминает художник.

Семеро новоприбывших сначала поселились в бараке у дедушки с бабушкой, там уже жили пять человек родни, все в одной комнате, правда большой. В первый класс Коля Долгов пошёл в 35-ю школу, где впоследствии учился будущий космонавт Леонов. Тут началась война. Время наступило голодное. Неподдалёку от барачных жители садили картошку и сеяли просо. Мальчишки играли в Александра Невского (фильм Эйзенштейна появился на экранах в 1938-м), бились на деревянных мечах. Через игру они проникались духом народной войны и патриотизмом. А старшие Колины сёстры работали на военном заводе. На опасном производстве нередко случались пожары и взрывы с человеческими жертвами.

И вот при таких внешних обстоятельствах четырнадцатилетний подросток начинает ходить в изостудию при районном Доме культуры. Студию вёл замечательный педагог Виктор Михайлович Петровский. Учились ребята всерьёз – сразу писали

маслом. Дефицитные краски доставали где придётся: покупали у родственников погибших художников-фронтовиков, более взрослые студии заказывали на заводе-изготовителе. Сейчас умудрённый годами живописец сам удивляется, как ради маленького этюдника они топали босиком – берегли обувь! – за двенадцать километров к деревне Верхотомке. А потому что любили природу и искусство! Да-да, уже тогда эти бедно одетые, полуголодные дети войны воспринимали дело, которым занимались, как служение, как Искусство с большой буквы.

Поразительно, как в суровое, трудное время люди тянулись к красоте. В одном бараке с Долговыми жил Борис Чедов. Изостудию он не посещал, был самоучкой. Работал же простым электриком. Можно ли себе представить в наши дни, чтобы заводской рабочий занимался живописью? У рисующей молодёжи пользовалось популярностью местечко (называемое в обиходе «тысячетонкой»), куда ходили... смотреть закаты. «Там был простор, широкий горизонт и необыкновенно красивые закаты, – делится воспоминанием художник. – В такую даль мы шли – за впечатлениями!»



Колыны родители, которые сами были совершенно неграмотны, против увлечения сына искусством не возражали, а когда проданся его первый «ковёр», даже очень обрадовались. Расписанный масляными красками холст изображал лебедей – весьма востребованный в ту пору сюжет.

Уже после войны семнадцатилетний юноша познакомился в изостудии с симпатичной девушкой Тоней, которая восемь лет спустя станет его женой. На эти годы пришлась долгая служба в армии, её

учеба в ленинградском институте и его – в Нижнетагильском, а затем в Сталинабадском художественном училище.

«Когда я решил поступать в училище в Нижнем Тагиле, – рассказывает Николай Харитонович, – у меня уже были любимые художники. Очень нравились первые русские импрессионисты Коровин и Грабарь, Левитан, Кончаловский. Живопись их была цветная, «мазистая». Сокурсники меня в шутку прозвали Тагильским Коровиным».

А перед тем как ехать на Урал, он показал свои этюды в областном товариществе художников. Там к парню отнеслись доброжелательно и даже дали возможность подзаработать денег на дорогу, поручив выполнить несколько копий хрестоматийных натюрмортов и пейзажей. Тогда же Коля свёл знакомство с молодым Виктором Зевакиным, впоследствии ставшим народным художником России. Забегая вперёд, отметим, что среди кемеровских живописцев его творчество произведёт на выпускника наиболее сильное впечатление.

Годы учёбы пролетели. Учился Николай Долгов самоучёбно. На пятом курсе (в столице Таджикистана Сталинабаде) из экономии жил с товарищем... в курятнике, куда приходил только спать. А перед защитой диплома трудолюбивым студентам разрешили ночевать прямо в мастерских.

Впрочем, попадались в рядах учащихся и не слишком усердные. Один как-то поделился «секретом», что летом пересыпает кисти дустом. На недомыслие вопрос: «Зачем?» – простодушно ответил: «Чтобы моль не ела». Для Николая, который и на каникулах не оставлял кистей и красок и продолжал напряжённо работать, это звучало дикостью. Училище он окончил в 1957 году с отличием и вернулся в Кемерово, где его с нетерпением ждала жена с годовалым сыном...

Трудовая книжка живописца Долгова на редкость скучна. Если не считать армейской службы, там фактически единственная запись, ведь после завершения профессионального образования он более тридцати лет проработал в одной организации – Кемеровском отделении Художественного фонда СССР (позже – РСФСР).

Зигзаг судьбы проявился в том, что на заре творческой карьеры (начало 1960-х) Долгову случилось вести изостудию в ДК Кировского района – в тех самых стенах, где когда-то подростком он взял в руки кисть. Но после того как молодому перспективному художнику дали мастерскую, он больше не преподавал.

В 1959 году с несколькими этюдами впервые принял участие в большой областной выставке. Потом этих выставок будет много – вплоть до зональных, проходящих раз в пять лет, которые тогда назывались «Сибирь социалистическая» и охватывали

полосу городов от Омска на западе и до Иркутска на востоке. А пока случались и творческие неудачи, были эксперименты с жанровой графикой, однако постепенно художественные предпочтения определились: лирический пейзаж. Видимо, зори военной поры, которыми ходил любоваться худой впечатлительный мальчик с заводской окраины, не погасли в его душе.

Несмотря на то что Николай Долгов – горожанин, городские мотивы в его творчестве почти не оставили следа: в самый продуктивный период работы он добрую половину года проводил среди деревьев, лесов и полей. Что такое будни художника, выбравшего своим делом пейзаж? Это свинцовая ноша этюдника, белый холст парусит на ветру, за плечами котомка с нехитрым провиантом – и бесчётные вёрсты по просёлкам, лугам, перелескам, да в зной, да в стылость поздней осени или ранней весны... Но пронзительная прелесть родной земли, воплощённая в красках, искупила всё, все тяготы и трудности судьбы.

Печальный нежно-палевый осенний косогор; полевая дорога, убегающая в седую зелень овсов; сиреневый апрельский снег и в тон ему розовое марево набухающих берёзовых почек. Вот лимонный поток солнечного света хлынул через старые ворота во двор и прямо-таки слепит зрителя. В характерной кофейно-оливковой гамме апреля написан створ Томи и берега, кулисами уходящие к горизон-

157



ту. А балахоновские холмы суровым колоритом напоминают древние курганы из какого-то забытого эпоса.

Надо сказать, что в пейзаже особую сложность представляет зелёный цвет. Трава зелёная, кустарник зелёный, деревья зелёные. У иных живописцев зелёный зачастую получается одинаковым, среднеарифметическим. «Зеленуха» – так пренебрежительно говорят они, для них это – рутина. «А я никогда не боялся зелёного», – смеётся Николай Харитонович. Кстати, белый цвет (зиму) тоже писать трудно. Мастер вспоминает, что ещё в студии преподаватель Петровский специально ставил, например, такой натюрморт: на белой скатерти – белая чашка, белая тарелка.

Из Старой Ладogi был привезён небольшой серенький этюд «Зимка». В нём изумительно переданы тончайшие оттенки серого в цвете неба, снега и особенно сарая, возле которого притулилась запряжённая в сани лошадь. Полное представление об этом сложном цвете вымытой дождями древесины может дать, конечно, только оригинал. «Цвет времени и бревён», – сказал когда-то поэт Бродский. Вечный русский сюжет: зимняя деревня, сугробы, заснеженные крыши, сараюшки. И покорная лошадка – на такой, наверное, Харитон Долгов в Крещение 1930 года и собирался за святой водой...

Часто в пейзажах Долгова человек присутствует незримо и в то же время органично. Монументальная бревенчатая кузница показана им как храм труда. Пашня, будто чёрная река, омывает околок. Из сенок, высланных могучими плахами, распахнута наружу дверь, и в проёме мреет деревенская идиллия: золотистый лужок, ограда, домики гуськом и далёкий лес. Есть у художника полотно – красочный гимн сенокосу: широкие цветные ленты живых и скошенных трав покрыли увалы декоративным узором. А избёнка на высоком яру смотрится словно кораблик в клубящемся океане облаков.

Эпический холст «Среди пашен» изображает клин берёзового острова посреди зяби. Земля вспахана под весенний сев. Её шоколадные, тёмно-синие, фиолетовые тона, ассоциирующиеся с плодородием и будущим урожаем, удивительно гармонируют с охристо-бежевыми красками умирающей травы и листвы. Плотный фронт сизых октябрьских туч навеивает думу о близкой зиме. И вся эта холодноватая цветочная гармония символизирует круговорот времён в природе и тесно связанный с ним круговорот крестьянского труда...

Работы Долгова колористически богаты и очень разнообразны; в довольно обширном творческом наследии в сотни полотен практически нет похожих. К слову, сам автор многие свои произведения уничтожил, считая несовершенными. Но такова требовательность художника, это его

личная оценка. Профессиональным сообществом его заслуги как живописца общепризнанны: на протяжении десятилетий он был постоянным участником городских, областных и региональных выставок. Только зональных («Сибирь социалистическая») на его счету четыре или пять, а ещё представительные выставки «Художники Кузбасса» в столичных городах: Ленинграде (1979) и Москве (1987).

Жизнь сложилась так, что ему посчастливилось трудиться в коллективе незаурядных личностей, среди которых блистали такие самобытные мастера пейзажа, как В. С. Зевакин, Н. И. Бачинин, Н. М. Шемаров. Неоднократно Долгов получал вызовы и плодотворно работал в известных домах творчества страны: в Старой Ладoge, Горячем Ключе. Он обычно приезжал на два месяца, писал этюды, общался с более маститыми собратьями по цеху, набирался впечатлений, приобретал новый опыт. Эти поездки много дали для профессионального роста кемеровского живописца.



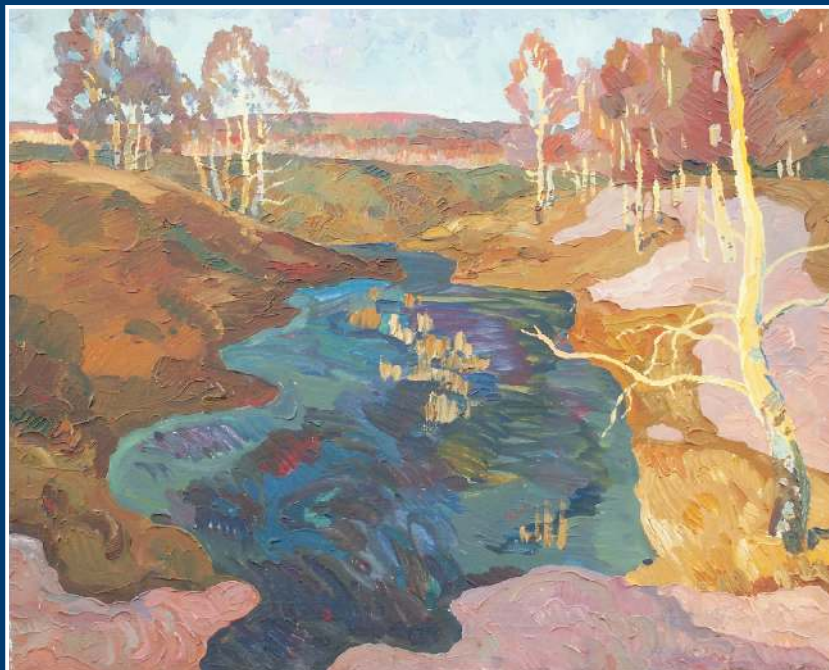
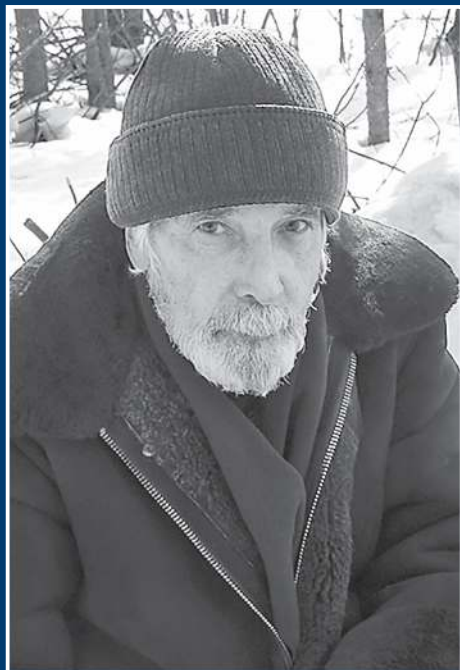
Сегодня его произведения находятся в учреждениях культуры и частных собраниях сибирских городов и весей, а некоторые попали даже в Италию и Азербайджан. Н. Х. Долгов – ветеран труда. Недавно он отметил 90-летний юбилей и уже не берёт в руки кисти. Однако цвет воспринимает по-прежнему остро...

г. Кемерово



# Художник Николай Харитонович Долгов

Материал о нем читайте на с. 156



Вешняя вода. 1975

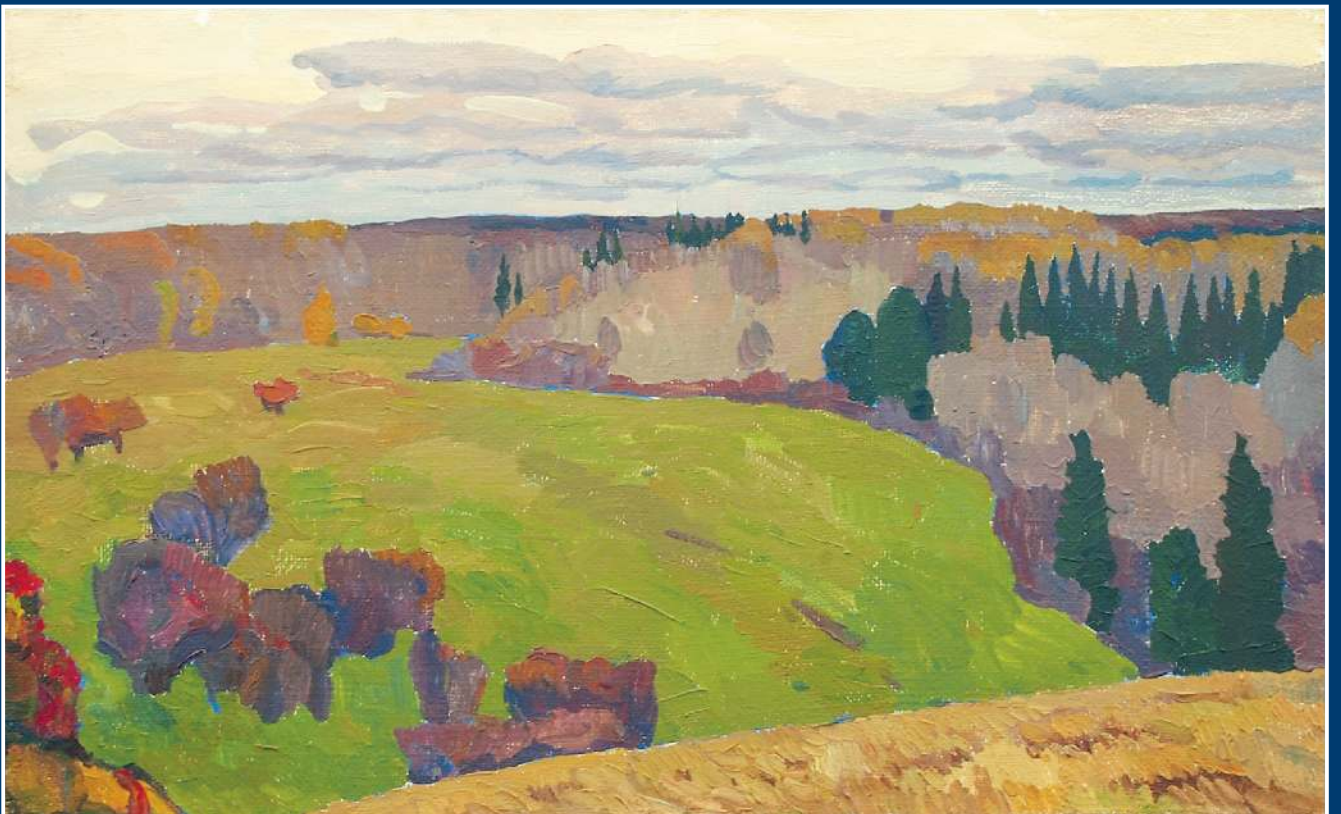


Памяти Ван Гога. 1973





Бабушкин колодец. 1978

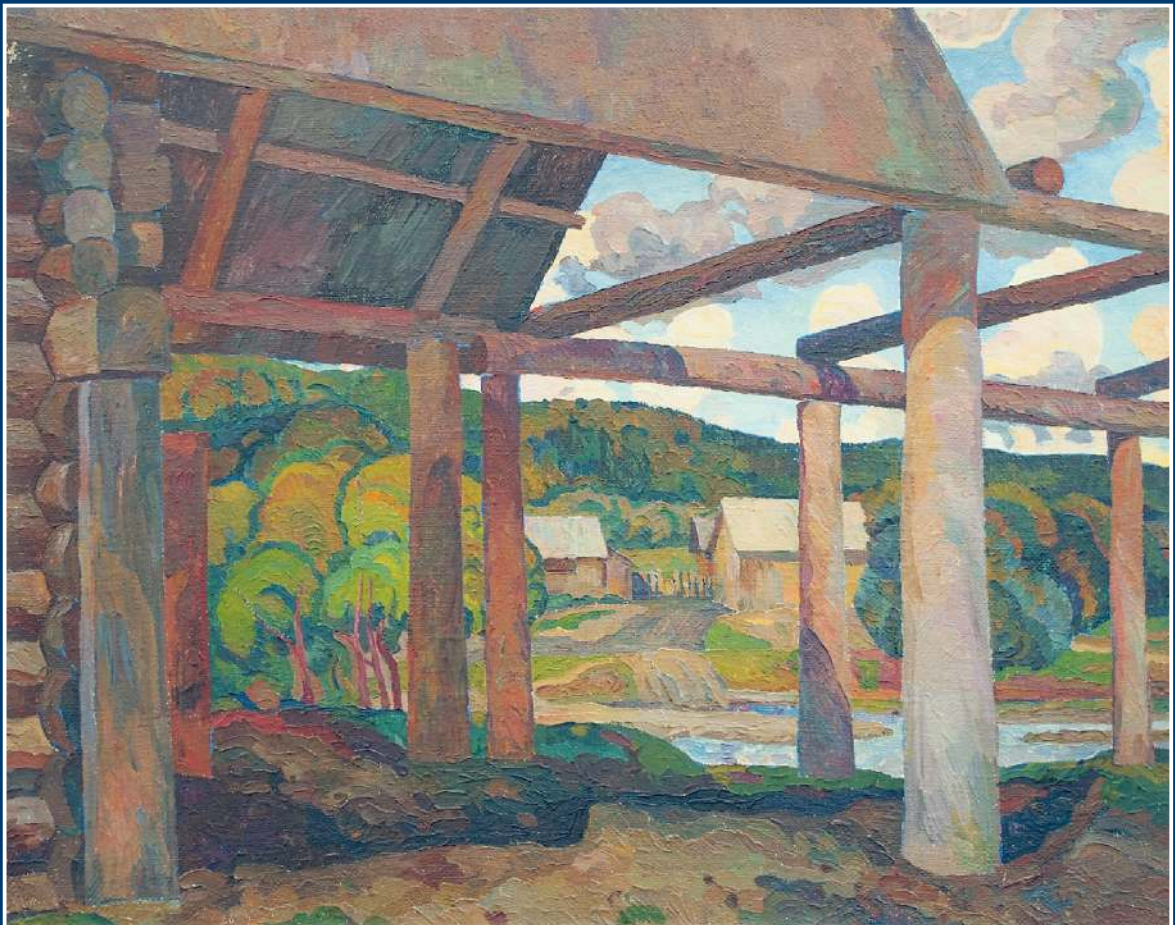


Осень на кордоне. 1977



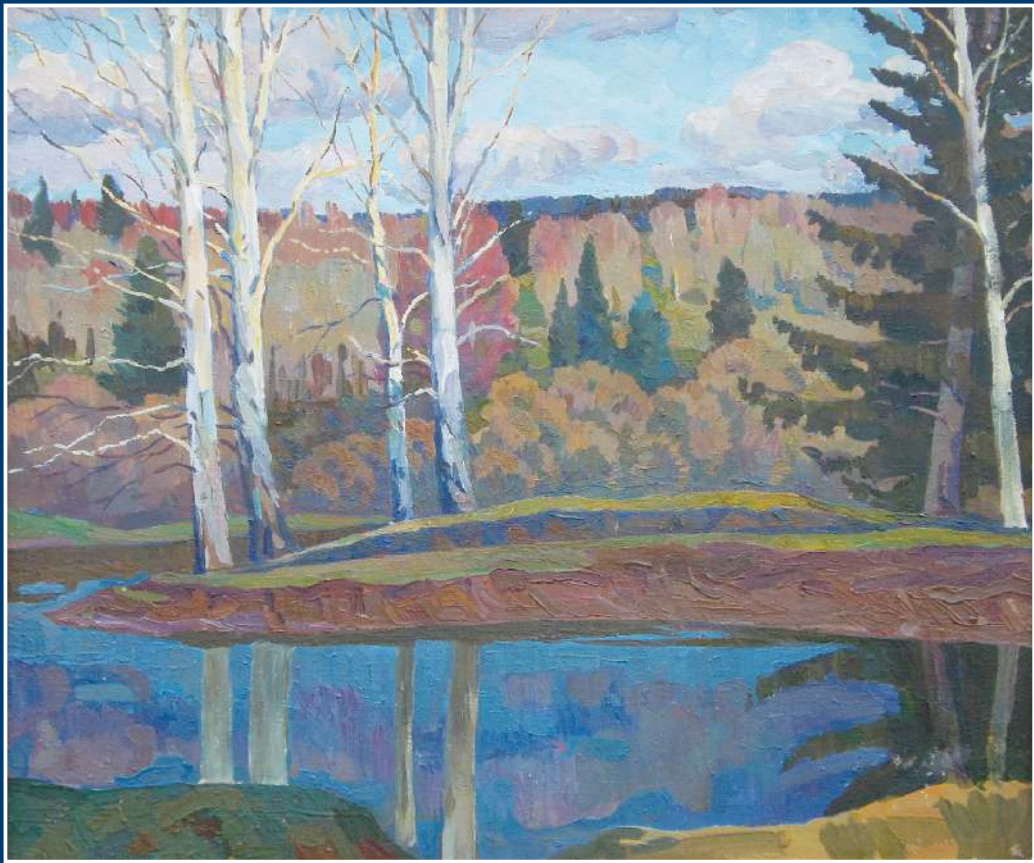


Зимка. 1969



Деревенская кузня. 1978





**Золотистая весна. 1999**



**Палевая осень. 1975**